

60 ЛЕТ ДЕВОНСКОЙ НЕФТИ «ВТОРОГО БАКУ»

Сейчас, стоя у кромки «моря» девонской нефти Волго-Урала, питавшей многие десятилетия одну из крупных нефтедобывающих индустрий мира, и окидывая мысленным взором шестидесятилетнюю панораму нефтепоискового процесса, мы должны отметить, что его участниками были многие тысячи нефтяников-специалистов всех отраслей нефтяного дела, организаторов производства и ученых. Но, говоря словами Д.И. Менделеева, «указующим перстом» нахождения нефтяных богатств в недрах Предуралья были геологи-нефтяники. Их деятельность дала поучительный пример достижения блестящего результата в сжатые сроки.

После подтверждения наличия промышленной нефтеносности палеозойских отложений открытием в мае 1932 года Ишимбайского нефтяного месторождения в нижнепермских карбонатных породах Предуральского краевого прогиба в марте 1939 года было принято решение о создании в Урало-Волжском регионе мощной нефтяной базы «Второго Баку», сопоставимой по масштабам с самыми крупными нефтедобывающими центрами мира. Для выполнения этой грандиозной задачи сюда были переброшены огромные материально-технические, научные и людские ресурсы со всех промышленно развитых краев СССР. Среди специалистов нефтяников и мастеров по бурению глубоких скважин особенно много было приезжих с Кавказа, которые обучали этой трудной профессии местные кадры. Уместно напомнить, что такими же суперфорсированными методами и почти синхронно в Советском Союзе создавались атомная промышленность и ракетная система. Развитие названных глобальных инфраструктур акселерировалось на пределе возможностей народного хозяйства и населения страны.

Решение о создании «Второго Баку» зиждилось на научном прогнозе геологов конца XIX — первой трети XX вв. Г.Д. Романовского, А.А. Штукенберга, А.П. Павлова, А.П. Иванова, Ф.И. Кандыкина, А.Д. Архангельского, А.Н. Розанова, И.Н. Стрижева и И.М. Губкина, считавших, что отложения карбона и девона Урало-Поволжья могут содержать промышленные запасы углеводородов. Одним из важных оснований тому служила общая аналогия Предуралья с богатым нефтью Преаппалачьем Северной Америки.

Сочетание поверхностных нефте- и битумопроявлений с предполагаемыми большими мощностями палеозойских отложений и наличием благоприятных антиклинальных структур позволило И.М. Губкину [1940], возглавившему нефтяную эпопею на Востоке страны, ориентировать поисково-разведочные работы в районе Татарского

свода. Важную роль в геолого-съёмочных работах и изучении структуры района сыграли экспедиции ленинградских (Н.И. Форш) и казанских (Е.И. Тихвинская, Н.П. Герасимов, В.И. Троепольский и др.) геологов. На южной вершине Татарского свода были проведены геологосъёмочные и геофизические работы, общее руководство которыми осуществлял К.Р. Чепиков. Именно он выявил в 1933 г. к востоку-северо-востоку от нефтепроявлений Сокско-Шешминского района Муллинскую (Туймазинскую) структуру и высказал мнение о том, что нефть здесь может содержаться в карбоне и девоне. Структурную карту этой площади составил П.С. Чернов, установивший огромные размеры Туймазинской антиклинали [Тимергазин, 1956].

Инициатором и организатором глубокого бурения на Туймазинской структуре был В.П. Скворцов — первый главный геолог геолого-поисковой конторы треста «Башнефть».

В мае 1937 года в ходе поисково-разведочного бурения здесь были установлены промышленные залежи нефти в терригенных слоях угленосной свиты и в карбонатных отложениях кровельной части турнейского яруса нижнего карбона. В результате впервые было доказано существование нефтяных залежей не только в ранней перми рифовой зоны, но и в нижележащих отложениях палеозоя в западной платформенной части республики. По инициативе И.В. Бочкова в Туймазах была заложена глубокая скважина № 148, с целью вскрытия доманиковых отложений верхнего девона и выяснения их нефтеносности.

Одновременно с этим было решено ввести в глубокое бурение примыкающую к Туймазинской Ардатовскую структуру, на которой была заложена скважина № 1.

К концу 1939 года в Туймазах и Ардатовке была вскрыта верхняя часть девонских карбонатных отложений и тем самым впервые фактически доказано наличие пород этого возраста в платформенной части республики.

Начальник геологического кабинета Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) «Башнефти» К.Р. Тимергазин, занимавшийся детальным исследованием нефтеносности Туймазинского района, уже тогда настаивал на углублении Ардатовской скважины № 1 для вскрытия ожидаемых терригенных отложений девона. Его инициативу поддержал главный геолог «Главостокнефтедобычи» Г.Л. Гришин.

13 мая 1940 года на глубине 1660 м Ардатовская скважина № 1 вскрыла под доманиковыми отложениями терригенную толщу девона с пластом

пористых песчаников, сильно насыщенных нефтью в верхней части.

В отчете, посвященном исследованию этой скважины, в мае 1940 г., К.Р. Тимергазин первым написал: «Открыт новый нефтеносный горизонт, еще неизвестный не только в Башкирии, но и за пределами ее». Отсутствие притока нефти в скважине он объяснил тем, что скважина была пробурена в краевой, пониженной части структуры [Тимергазин, 2000].

3 июня 1940 г. А.А. Трофимук и К.Р. Тимергазин опубликовали в республиканской газете «Красная Башкирия» статью «Новые данные о нефтеносности недр Башкирии», в которой предложили для ускорения открытия девонской нефти углубить разведочную скважину № 142, расположенную в воде Туймазинской структуры. Если бы эта рекомендация была реализована, уже тогда, в 1940 году, состоялось открытие большой девонской нефти.

К сожалению, серьезным препятствием на пути осуществления данной рекомендации стал не геологический, а психологический фактор. Напомним, что ситуация в стране в то время была крайне сложной — «большой террор» безжалостно перемалывал человеческий материал, особенно специалистов и интеллигенцию, которым большевики не доверяли.

В 1936–1938 гг. были репрессированы многие крупные руководители нефтяной отрасли, среди которых управляющие трестом «Башнефть» С.М. Ганшин, Петерсон, Р.З. Бучацкий, И.Н. Опарин, К.И. Астафьев, А.И. Акулинин, И.Ф. Мележников. Последние трое проработали лишь по несколько месяцев, а Петерсон — несколько дней. В 1937 г. расстреляли главного геолога «Башнефти» Я.Л. Давидовича и главного геолога ГПК В.П. Скворцова, репрессировали геологов Б.Я. Аврора, С.А. Харитоновна, А.П. Булмасова, Г.Е. Егера, В.А. Кирова, Г.Ф. Маркаряна и многих других. Пострадал и К.Р. Чепиков — первооткрыватель Туймазинской структуры, а в последующем — девонской нефти.

Абсурдность террора усугублялась тем, что он проходил на фоне крупного успеха, достигнутого нефтяниками, — открытия каменноугольной нефти в Туймазах.

После смерти Сталина все репрессированные специалисты были реабилитированы. И хотя о них сегодня редко вспоминают, их роль в освоении нефтяных богатств, в том числе открытии девонской нефти, была очень весомой. Забывать или умалчивать эти имена, значит, исказить историю.

Политико-административные репрессии предвоенного периода значительно ослабили кадровый состав специалистов-нефтяников, посеяли среди них страх, подозрительность, растерянность.

Бесперывно сменявшиеся руководители треста «Туймазанефть», объединения «Башнефть»

и управления «Главнефть» опасались бурить на девон, понимая, что если он окажется пустым, их обвинят во вредительской деятельности, отвлечении средств на бесперспективные объекты с целью ослабления экономики СССР.

Поиски нефти в девоне поддерживали в основном местные геологи — туймазинские и цниловские: Е.А. Граблин, А.Д. Никитин, И.П. Николаев, М.В. Мальцев, В.А. Балаев, А.Я. Виссарионова — те, кто каждодневно занимался изучением геологии района. Их мнению не придали значения, и разведка на девонскую нефть в Туймазах до войны так и не была начата. Как писал К.Р. Тимергазин: «*верное дело получения девонской фонтанной нефти было отодвинуто на задний план*».

С началом войны существенно ухудшилось снабжение нефтяной отрасли буровыми станками, техникой, оборудованием. На фронт ушли многие работники нефтяной отрасли. Среди геологов на передовой сражались выдающиеся нефтяники и убежденные сторонники девонской нефти К.Р. Тимергазин, Н.И. Мешалкин, М.Ф. Мартъев.

Нерешительность геологов проявилась особенно наглядно на крупном совещании в Наркомате нефтяной промышленности СССР, проведенном в начале 1942 года в Уфе и собравшем почти всех ведущих геологов-нефтяников страны во главе с наркомом И.К. Сединым и его заместителем Н.К. Байбаковым. Совещание сочло, что бурение на терригенный девон не имеет надежного обоснования [Трофимук, 1957].

Это решение было созвучно с бытовавшим среди геологов-нефтяников пессимистическим мнением, о том, что с глубиной количество нефти в недрах Земли существенно сокращается. Ошибочные теоретические предпосылки, как известно, неоднократно тормозили поисково-разведочные работы в Волго-Уральской области.

После отъезда НКНП СССР из Уфы и возобновления деятельности объединения «Башнефть» вопрос о разведке девонских отложений на Туймазинской структуре вновь был поднят в конце 1942 г.

В октябре 1942 г. главный геолог «Башнефти» А.А. Трофимук и начальник геологического отдела «Туймазанефти» М.В. Мальцев на геологическом совещании в «Башнефти» инициировали следующее решение: «*Промышленную разведку девонской нефти Муллинской (Туймазинской) структуры считать необходимой, для чего наметить скважину — точку в профиле скважин 97–142 по сетке к югу от последней*» [Трофимук, 1957].

Однако и на сей раз бурение девонской скважины, которой был присвоен номер 100, затянулось из-за административно-организационных неурядиц. Согласование и утверждение проекта, монтаж бурового станка и котельни заняли два года. Лишь в конце февраля 1944 г. было начато бурение. Место заложения скважины выбрал главный геолог

«Туймазанефти» Т.М. Золоев, а проект этой исторической скважины составил М.Е. Торяник.

Но и в этот раз бурение чуть было не сорвалось. В 1944 г. началось восстановление нефтепромыслов Краснодарского края, где все скважины были ликвидированы в 1942 г. из-за наступления немцев. Поступило распоряжение о переброске буровых станков из Башкирии в Краснодар, и, в частности, о снятии бурового станка со скважины № 100.

Спасла положение скважина, открывшая в июле 1944 года нефть в терригенном девоне на Самарской Луке (Яблоневого Оврага). При ее испытании был получен фонтан нефти с дебитом 200 тонн в сутки. Это придало башкирским геологам уверенности в борьбе со скептиками, которые несмотря ни на что продолжали отрицать высокую перспективность девонских пластов и требовали отправить буровые станки на Кавказ, где дебиты скважин значительно превышали туймазинские.

В это время произошел еще один инцидент, который мог отдалить ожидаемое открытие.

При проходке скважиной 100 доманикового горизонта, залегающего выше терригенного девона, порвались буровые трубы. Из Уфы поступило распоряжение прекратить бурение и вернуться к эксплуатации нефтяной залежи в угленосном горизонте. Но М.В. Мальцев, на свой страх и риск, решил добуриться до терригенного девона вторым стволом. Последовал приказ об отстранении М.В. Мальцева от работы и передаче дела в суд. Однако скважина в интервале 1620–1730 м успела вскрыть пласты девонских песчаников общей мощностью около 40 м.

Один из этих пластов, перфорированный в пределах 6 м, дал 26 сентября 1944 года мощный нефтяной фонтан с суточным дебитом 250 т, что равнялось дебиту семидесяти скважин, работавших на нижний карбон.

Так было открыто самое крупное в СССР в те годы Туймазинское месторождение девонской нефти.

Сделаем еще одно уточнение, восстанавливающее историческую истину. Во всех справочниках сообщается, что нефтеносный девон в скважине № 100 вскрыла буровая бригада мастера А.Т. Трипольского, заменившего бурового мастера В.Н. Андрияшина.

При этом причину замены мастера объясняют болезнью В.Н. Андрияшина, а некоторые авторы литературных произведений изображают его сильно больным пожилым человеком. В действительности Андрияшину в то время было 33 года, он был совершенно здоров и притом считался одним из лучших буровых мастеров треста «Туймазанефть».

Дело в том, что открытие девонской нефти в Яблоневом Овраге многих убедило в существовании ее и в Туймазах, и местное руководство

решило, что беспартийный Андрияшин может испортить впечатление от победной реляции в Москву. Ему срочно предложили подать заявление о вступлении в КПСС, но он отказался, и его сняли с должности мастера, несмотря на то, что бурение шло успешно.

В.Н. Андрияшин в своих воспоминаниях пишет: *«Бурить скважину мы начали в самый последний день февраля. Зима в тот високосный год была суровой и бураны сильными. До мая пробурили 1200 м. Каждая вахта работала по 12 часов, без выходных. Часто выходил из строя инструмент, рвались трубы. Вспоминаю своих бурильщиков Антохина, Туровского, Дойникова, женщин, которые были в то время в каждой вахте. Не жалели сил все»* [Башкирская нефть, с. 37].

В.Н. Андрияшин после данного случая уехал в Ишимбай и еще долгие годы работал буровым мастером.

Мастер коммунист А.Т. Трипольский за вскрытие девонских пластов был награжден орденом Ленина, квартирой и автомашиной.

С.И. Кувыкин, А.А. Трофимук, Т.М. Золоев, К.Р. Чепиков и М.В. Мальцев стали лауреатами Сталинской премии.

Не будет преувеличением сказать, что открытие девонской нефти на Самарской Луке и в Туймазах, ознаменовало начало эры большой девонской нефти СССР. Значение этого открытия трудно переоценить, ибо оно с одной стороны подтвердило достоверность основных положений нефтяной науки, с другой — привело в 1948 г. к открытию еще более крупного девонского нефтяного месторождения — Ромашкинского (на южной вершине Татарского свода), до сих пор входящего в первую десятку уникальных по запасам месторождений мира.

Туймазинское месторождение, эксплуатация которого продолжается и по сей день, дало почти четвертую часть добытой к настоящему времени башкирской нефти, составляющей полтора миллиарда тонн.

Туймазинское нефтяное месторождение, которому исполнилось 60 лет, является подлинной нефтяной академией, где впервые в стране проходили апробацию буквально все новшества нефтяной отрасли и науки — от бурения до эксплуатации. Через Туймазинские «университеты» прошли многие тысячи специалистов-нефтяников, которые поднимали нефтяную целину по всей нашей стране и за ее рубежами.

Завершим наше небольшое историческое повествование словами одного из первооткрывателей Туймазинского месторождения девонской нефти — профессора Кадыра Рахимовича Тимергазина [1959]: *«Башкирия, явившаяся по существу первооткрывательницей «Второго Баку» и его центром, может и должна стать первооткрывательницей додевонской нефти»*. От себя добавим:

и поднадвиговой нефти на Урале. Следовательно, можно надеяться, что впереди нас ожидает эпоха новых нефтяных открытий!

Литература:

Башкирская нефть / М.З. Шакиров и др. М.: Недра, 1982. 271 с.

Губкин И.М. Урало-Волжская нефтеносная область (Второе Баку). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 118 с.

Тимергазин К.Р. Очерки по истории башкирской нефти. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1956. 91 с.

Тимергазин К.Р. Додевонские образования Западной Башкирии и перспективы их нефтегазоносности / БФАН СССР. Уфа, 1959. 312 с.

Тимергазин К.Р. Терригенные отложения девона Бавлинско-Туймазинского нефтеносного района / Избранные труды. Уфа: Гилем, 2000. Кн. 1. 184 с.

Тимергазин К.Р., Трофимук А.А. Новые данные о нефтеносности недр Башкирии // Красная Башкирия (Уфа), 1940, 3 июня, № 125. С. 2.

Трофимук А.А. Урало-Поволжье — новая нефтяная база СССР. М.: Гостоптехиздат, 1957. 184 с.